

Бесы бесы (общеславянское слово; старослав. ед. ч. Бсъ, укр. біс, болг. бяс, бес, сербо-хорв. вјјес, словен. бѐs, чеш. bus, польск. bies и т. д.; исконно родственно литов. baisus, «страшный» и в конечном счёте восходит к индоевроп. bhoi-dho-s, «вызывающий страх, ужас»; Б. — того же корня, что слово «бояться»), в древнеславянских языческих религиозно-мифологических представлениях злые духи (следы такого употребления термина — в архаичных фольклорных текстах, особенно в заговорах).

Из языческой терминологии слово попало в христианскую традицию, где было использовано для перевода греч. δαίμονες — демоны. В старых церковных поучениях против язычества слово «Б.» продолжало использоваться в первоначальном значении «злой дух», хотя категория злых духов расширена за счёт включения сюда старых славянских языческих богов (Перун, Белее, Мокошь и др. называются здесь тоже Б.). В. И., В. Т. В христианских религиозно-мифологических представлениях Б. — духи зла, антагонисты троицы и ангелов, слуги, воины и шпионы дьявола, «враги невидимые» человеческого рода.

Как сеятели дурных внушений, болезней (особенно душевных расстройств — «беснования») и всякой скверны и порчи, как разрушители социальных связей, с особенной ненавистью относящиеся к браку и строящие против него всякие козни, Б. сопоставимы со злыми духами различных мифологий (см. Духи), начиная с самых примитивных. Но согласно христианским представлениям, Б. не только опасны, как амбивалентные фольклорные персонажи, но абсолютно злы и не могут быть партнёрами никакого договора, ведущего к добру.

Идейный комплекс «священной войны» против злых духов сближает христианские представления о Б. с иранской мифологией (мотив борьбы с дэвами); но с точки зрения христианства живущее в Б. зло — не свойство, изначально присущее их природе, а следствие ложного выбора их свободной воли. Б. и сам дьявол — не порождение какой-то иной, неподвластной богу «теневой» стороны бытия (как Ангро-Майнью в его отношении к Ахурамазде), но создание самого бога, его неверные слуги.

Когда-то они были ангелами, но не сохранили «своего достоинства» (Иуд. 6), отпали от бога в акте измены и стали «ангелами сатаны» (Апоколо 12, 9 и др.), «ангелами бездны». (В церковно-славянском и русском народном обиходе иногда было принято называть Б. в отличие от добрых ангелов «аггелами», что соответствует орфографии, но не произношению греч. слова αγγελος, «ангел».) От своего ангельского прошлого Б.

удержали, хотя и в умалённой мере, прерогативы сверхчеловеческого знания и могущества, поставленные у Б. на службу злу. Помимо несвязанности условиями пространства и власти над стихиями, они имеют возможности тонкого проникновения в ход человеческих мыслей и вкладывания в ум и сердце человека нужных им внушений.

Но Б. не обладают полным и достоверным знанием о глубинах человеческих душ; тайное решение очень твёрдой и праведной воли имеет шанс скрыться от глаз Б. Деятельность Б. как искусителей направлена на всех людей, но с особым вниманием они относятся к монахам, аскетам и пустынноикам, находящимся с ними в отношении объявленной войны (отшельники ранней поры монашества с особым намерением избирали для проживания места, пользовавшиеся наиболее недоброй славой по части «нечистой силы», чтобы сразиться с Б. в самом их гнезде). Уже основатель христианского монашества египетский пустынноик IV в.

Антоний Великий стал героем красочных рассказов о преодолении бесовских козней. Б. имеют общую с ангелами способность быть невидимыми и являться людям лишь по собственному произволу. Образ, который они принимают, также зависит от их выбора; а так как самая сущность бытия Б. — ложь, образ этот — фальшивая видимость, маска.

По характерной русской пословице, «у нежити своего облика нет, она ходит в личинах». Чтобы добиться полного доверия соблазняемого, Б. могут принять образ светлого ангела или даже Иисуса Христа.

Явившиеся в этом образе Б. говорят возгордившемуся монаху о его святости и богоизбранности (частый агиографический мотив), а малодушного, напротив, запугивают мнимой неизбежностью его осуждения (итальянская легенда о молодом ученике Франциска Ассизского, которому учитель велел ответить сверхъестественному посетителю простецкой, намеренно грубой бранью, после чего Лже-Христос исчез с сильным шумом и серным запахом). Считается, что видения, инспирированные Б., вызывают тяжёлое чувство смущения и тоски или, напротив, судорожной весёлости, которыми они сопровождаются (обычный симптом видимой или невидимой близости Б. — тошнота, ср. название Б. в русском фольклоре — «тошная сила»).

Чтобы вкратце в доверие, Б. принимают облик реальных отсутствующих людей, например друзей соблазняемого (легенда о Феодоре и Василии Печерских). Другие личины нужны Б. для побуждения похотливых чувств, обычно в пустынноике (явления в

виде женщин, например, герою апокрифической повести о Макарии Римском); тоскующую вдову Б. могут навещать и ласкать в обличье её умершего мужа и т. п.

Для позднего западноевропейского средневековья особенно характерны представления о Б., предлагающих себя для блуда мужчине □ в виде женщины («суккуб»), а женщине □ в виде мужчины («инкуб»); представления эти не чужды Византии (в «Житии Василия Нового», X в., упоминается грех соития с Б.) и Древней Руси («Повесть о бесноватой жене Соломонии», XVII в.). Третий род личин □ гротескные подобия фантастических, уродливых чудищ (огнедышащий змий, псоглавец, «единаок», напоминающий одноглазых киклопов) или животных, либо хищных и опасных (лев, медведь, волк и т. п.), либо «нечистых» и внушающих отвращение (жаба, ср. Апок.

16, 13, мышь и т. п.). Сюда же примыкают образы чёрного пса, а в Западной Европе □ чёрного кота (в порядке ложной этимологии связывавшегося с наименованием средневековой ереси катаров).

Фольклор часто представлял Б. в обличье иноверцев (иудеев, мусульман) и иноземцев, либо наиболее экзотических («чёрные мурины», т. е. эфиопы, □ постоянное обозначение Б. в старинной русской литературе), либо, напротив, наиболее известных и одиозных (арабы в византийской литературе, ляхи и литвины в древнерусских текстах). Тёмные фигуры «муринов» являются мучить и томить после смерти человека его душу, вышедшую из тела и страшущуюся неведомого пути.

Наиболее обычный образ Б. в народной фантазии и в иконографических традициях православного и католического средневековья совмещает антропоморфные и териоморфные черты, приближаясь в этом отношении к языческому образу сатира или фавна: он тёмнен, рогат, хвостат, ноги его оканчиваются копытцами, хотя в воспоминание о своей изначальной ангельской природе он имеет крылья (впрочем, в западной традиции это обычно крылья летучей мыши □ ещё одного «нечистого» животного). Особенно богатой иконография Б. становится на исходе средневековья. «Дьяблерии» на Западе и аналогичные явления русской фантазии неразрывно связаны с судьбами низовой сатиры.

Образы Б. как мучителей грешников в аду у Данте («Божественная комедия»), отмеченные неприкрашенной убедительностью, сохраняют связь с ортодоксальной традицией. В позднейшей литературе необходимо отметить образ чёрта из «Братьев

Карамазовых» Ф. М. Достоевского (и его почти цитатное отражение в «Докторе Фаустусе» Т. Манна), стилизацию апокрифических историй о Б. у А. М. Ремизова, декоративное использование «дьяблерии» в «Мастере и Маргарите» М. Булгакова и др.

Литература :

Буслаев Ф. И., Бес, в его кн.: Мои досуги, т. 2, М., 1886, с. 1–23;

Дурново Н. Н., Легенда о заключенном бесе в византийской и старинной русской литературе, в сб.: Древности.

Труды славянской комиссии императорского Московского археологического общества, т. 4, в. 1, М., 1907, с. 54–152;

Успенский А. И., Бес. (Из материалов для истории русской живописи), «Золотое Руно», 1907, № 1, с. 21–27;

Спасский А. А., Вера в демонов в древней церкви и борьба с ними, «Богословский вестник», 1907, т. 2, с. 357–91;

Максимов С. В., Нечистая, неведомая и крестная сила, СПб, 1903;

Рязановский Ф. А., Демонология в древнерусской литературе, М., 1915. С. С.

Аверинцев. В Западной Европе начиная с XV в. в изобразительном искусстве особую популярность обретает сюжет «Искушение святого Антония», дававший широкий простор воображению живописцев в воплощении фигур Б. (произведения М. Шонгауэра, И. Босха, М. Грюневальда, Яна Госсарта, Л. Кранаха Старшего, Лукаса Лейденского, П. Веронезе, Х. Голциуса и др.). Среди произведений литературы на этот сюжет философская драма Г. Флобера «Искушение святого Антония».

Фигуры Б. встречаются в миниатюрах средневековых рукописей и в пластике соборов XI–XV вв. Особенно причудливые порождения фантазии художников содержатся в числе гротескных деталей готического орнамента соборов. Изображение Б. в живописи связано также с воплощением сцен ада (например, у Босха) и особенно страшного суда.